

Великий шелковый путь и Забайкалье: музейная интерпретация историко-культурного наследия

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА БОРОНОЕВА

ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия», Улан-Удэ
Директор, кандидат искусствоведения
e-mail: tatboronoeva@gmail.com

БАИР ЦЫРЕМПИЛОВИЧ ГОМБОЕВ

ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия», Улан-Удэ
Заместитель директора по научной работе и выставочной деятельности, кандидат исторических наук
e-mail: barguten@mail.ru

ЛАРИСА ГЕННАДЬЕВНА ЯРОСЛАВЦЕВА

ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия», Улан-Удэ
Хранитель фондов «Археология»
e-mail: lgyar@mail.ru

ЛЮБОВЬ ФИЛИППОВНА ЛЕВИТИНА

ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия», Улан-Удэ
Хранитель фондов «Этнография»
e-mail: Luba0651@mail.ru

В статье очерчены научные исследования и выставочная деятельность музеев Бурятии в контексте развития всероссийского проекта «Великий шелковый путь». Использование особо ценных объектов культурного наследия – археологических памятников эпохи хунну, буддийских культовых предметов, коллекций по этнографии и декоративно-прикладному искусству Сибирского региона – стало одним из стратегических ориентиров для представления Восточной Сибири в российском проекте «Великий шелковый путь». Реализация выставочного проекта «Полет дракона. Степной шелковый путь», созданного Национальным музеем Республики Бурятия совместно с Музеем Бурятского научного центра СО РАН и Кяхтинским краеведческим музеем им. В.А. Обручева, показала, что Великий шелковый путь оказал огромное влияние на культурогенез южных областей России. Торговые пути, проходившие через степной коридор Евразии, обеспечивали взаимопроникновение культур различных этнических общностей.

Ключевые слова: Великий шелковый путь, историко-культурное наследие Бурятии, коллекции Национального музея Республики Бурятия, археологическое наследие эпохи хунну, буддийские культовые предметы, декоративно-прикладное искусство Сибирского региона.

The Great Silk Road and Transbaikalia: the Museum Interpretation of Historical and Cultural Heritage

TATYANA A. BORONOEVA, Ph.D. (Arts)

National Museum of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude
Director
e-mail: tatboronoeva@gmail.com

BAYIR TS. GOMBOYEV, Ph.D. (History)

National Museum of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude
Deputy Director for research and exhibition activities
e-mail: barguten@mail.ru

LARISA G. YAROSLAVTSEVA

National Museum of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude
Curator of the “Archaeology” fund
e-mail: lgyar@mail.ru

LUBOV' F. LEVITINA

National Museum of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude
Curator of the “Ethnography” fund
e-mail: Luba0651@mail.ru

The article outlines the research and the exhibition activity of museums of Buryatia in the context of the development of the all-Russian project of the Great Silk Road. The use of particularly valuable objects of cultural heritage, like the archaeological heritage of the Xiongnu era, Buddhist religious objects, ethnographic collections and decorative arts of the Siberian region, has become one of the strategic focuses for the presentation of Eastern Siberia in the Russian project “The Great Silk Road”. Implementation of the exhibition project “Flight of the dragon. The steppe silk road”, created by the National Museum of the Republic of Buryatia in conjunction with the Museum of the Buryat Scientific center of SB RAS and the V.A. Obruchev Kyakhta Regional Museum, has shown that the Great Silk Road has had an enormous influence on the development of the Asian part of Russia, where the Central Asian steppe was the territory crossed by trade routes and the area of interpenetration of spiritual cultures of various tribes and ethnic communities.

Keywords: Great Silk Road, historical and cultural heritage of Buryatia, collections of the National Museum of the Republic of Buryatia, archaeological legacy of the of the Xiongnu era, Buddhist religious objects, arts and crafts of the Siberian region.

В истории человеческой цивилизации есть немало примеров длительного взаимовыгодного культурного и экономического сотрудничества между странами и народами с различными политическими, религиозными и этническими традициями. Одним из них, пожалуй, самым значительным и широко известным был Великий шелковый путь, протянувшийся в древности и раннем Средневековье от берегов Атлантического до Тихого океана, пересекавший весь азиатский континент и соединявший страны Средиземноморья с Дальним Востоком. Это была не просто дорога или даже система дорог от океана до океана – это был сложнейший культурно-экономический мост между Востоком и Западом, соединявший народы и цивилизации в их стремлении к миру и сотрудничеству.

На пороге третьего тысячелетия человечество столкнулось с необходимостью искать новые формы сотрудничества. Комплексное изучение Великого шелкового пути и его восстановление как «пути диалога» вполне соответствует этой задаче.

В свете научных исследований российских ученых, в том числе сотрудников Российского этнографического музея¹, становится актуальным изучение истории развития торговых коммуникаций, роли торговли в функционировании традиционных обществ, ее влияния на этнокультурную и этносоциальную динамику. Особенно интересны, на наш взгляд, статьи С.В. Романовой и М.В. Федоровой², рассматривающие не только роль российско-китайских политических и торгово-экономических отношений в этнокультурном развитии народов Южной Сибири, но и влияние Китая, и особенно буддийской традиции, на культуру бурят и тувинцев.

В настоящее время в региональных музеях России сконцентрированы уникальные артефакты исторического прошлого. Их актуализация как объектов историко-культурного наследия региона, анализ исторической и трансграничной взаимосвязи в развитии различных культурных областей представляют исключительную важность. Использование особо ценных объектов культурного наследия – археологических памятников эпохи хунну, буддийских религиозных предметов, этнографических коллекций и декоративно-прикладного искусства сибирского региона – стало одним из стратегических ориентиров для достойного представления Восточной Сибири в российском проекте «Великий шелковый путь».

Великий шелковый путь начинается в бассейне реки Хуанхэ. Он проходит вдоль западной части Великой Китайской стены и по реке Или

доходит до Иссык-Куля. С этого места путь разветвляется на два направления – южное (к Средиземному морю) и северное (Туркестан). Однако было бы неправильным считать, что эти два пути были постоянными. Они несколько изменялись в зависимости от этнополитической ситуации данной исторической эпохи.

Как известно, контакты племен и народов прослеживаются еще с глубокой древности; они осуществлялись по известным местному населению старым дорогам (кремневые, нефритовые, халцедоновые и др. пути). Эти связи хорошо зафиксированы на археологическом материале в различных культурах³.

Одним из самых крупных торговых путей в древнем мире был Великий шелковый, зародившийся во II веке до н.э. Это были времена, когда в Центральной и Восточной Азии появились Ханьская империя и империя Хунну⁴.

Проблема установления конкретных археологических свидетельств торговых и прочих связей забайкальских гуннов с Китаем, а также западным миром через ответвления Великого шелкового пути остается актуальной. По этому пути хуннской знати доставлялись художественные изделия эллинистического Ближнего Востока, о чем ярко свидетельствуют хорошо известные находки в погребениях хуннских шаньюев в горах Ноин-улы⁵, датированных последними годами до нашей эры. Сюда, из Ханьской империи, в ставку хунну шло огромное количество разнообразных шелковых тканей, вышивок и шелковой ваты, а также лаковые, бронзовые, ювелирные изделия. Наряду с обменом на пограничных рынках между ханьцами и хунну шла активная двусторонняя торговля, главным образом лошадьми и шелком⁶.

Ниже приведены основные археологические памятники хунну в Бурятии, где зафиксированы привозные предметы, ставшие необходимым компонентом погребального инвентаря богатых захоронений, а в некоторых случаях и поселений.

Ильмовая падь. Могильник находится в Кяхтинском районе на юге Бурятии, в 23 км к северу от г. Кяхта, в живописной лесистой пади, где растут сосны, осины, ильмы. Здесь обнаружено несколько групп захоронений, раскопки которых ведутся еще с конца XIX века⁷ и до настоящего времени.

При раскопках 1928–1929 годов были выявлены несколько видов тканей: два вида плотной многоцветной ткани; тонкая плотная ткань; два вида кисеи; узорчатый тюль и тонкая ткань, вышитая шелком. Из других предметов следует отметить: фрагмент резной пластины из белого нефрита; фрагмент китайского зеркала из белого

сплава с изображением тигра; бусы из голубого стекла; остатки лакированных чашечек и др.⁸. Последующие раскопки также подтвердили богатство курганов из Ильмовой пади⁹. Коллекции хранятся в Эрмитаже, Кяхтинском краеведческом музее им. В.А. Обручева, Музее Бурятского научного центра и Национальном музее Республики Бурятия.

Дырестуйский Култук. Могильник находится в Джидинском районе, на левом берегу р. Джиды (левый приток Селенги), в 8 км выше по течению от села Дырестуй, в местности Дырестуйский Култук; был открыт Ю.Д. Талько-Грынцевичем в 1900–1901 гг.¹⁰. Последующие исследования А.П. Окладникова, П.Б. Коновалова, С.С. Миняева дали разнообразный и уникальный материал из хуннских захоронений: поясные бронзовые пластины, разнообразные бусы, каменные и металлические подвески, предметы сбруи, оружие и пр.¹¹. Среди дырестуйского импорта обращают на себя внимание бусы-четки из сердолика, стекла, рога и ожерелье из бирюзы¹². Данные предметы очень символичны для Забайкальского региона и его ранних связей с Монголией и Тибетом. Коллекции хранятся в Эрмитаже, СПбГУ, Кяхтинском краеведческом музее им. В.А. Обручева, Национальном музее Республики Бурятия, Музее Бурятского научного центра.

Баян-Ундэр. Городище находится в 15 км к юго-западу от села Дырестуй Джидинского района Бурятии, на левом берегу р. Джиды, открыто в 1949 г. А.П. Окладниковым, в 1988 г. раскопки проводились С.В. Даниловым (рис. 1). Среди различных находок было обнаружено зеркало из белой бронзы, которое удалось почти полностью собрать из обломков (хранится в музее БНЦ СО РАН). Как известно, китайские зеркала были очень важны для хунну.

Иволгинский комплекс: городище и могильник. Памятник открыт в 1927 г. В.В. Поповым¹³. Дальнейшие раскопки велись главным образом В.П. Шиловым и А.В. Давыдовой. Могильник расположен на холме, в дружественной части р. Иволги. В захоронениях найдены ажурные литые бронзовые пряжки-пластинки с изображениями зверей, бусы, подвески и нашивки – имитации раковин каури. В богатых погребениях обнаружены украшения из привозных материалов – бирюзы, агата, а также украшения, инкрустированные стеклом. Богатые коллекции находок из Нижне-Иволгинского городища хранятся в Государственном Эрмитаже и Национальном музее Республики Бурятия.

Приведенные примеры свидетельствуют о культурных, торговых и иных связях древнего населения Забайкалья, Китая, Средней Азии и

др. стран начиная с древности, что прослеживается у хунну, а в этнографический период – у бурят и эвенков.

Великий шелковый путь стал каналом, по которому шел постоянный обмен культурными достижениями – новыми товарами, знаниями и открытиями. Его функционирование привело к знакомству разных народов с новыми видами товаров, вошедших на многие сотни лет в повседневный быт. От распространения этих товаров как проявления одной из форм культурных контактов в наибольшей степени выиграли Западная Европа и Центральная Азия. Если говорить о шелке, то его распространение в соседних с Китаем регионах было наиболее широким. Монгольские народы со времен правления династии Юань и до наших дней предпочитали для шитья нарядной одежды натуральные шелка. Особенно широкое применение шелка китайского производства было распространено в XVIII–XIX веках. Благодаря богатой символике в изобразительном и прикладном искусстве Китая, на развитие которых оказали большое влияние религиозно-философские системы (конфуцианство, даосизм и буддизм), узорчатые шелка пришлось по вкусу всем монгольским народам. Шелка использовались в изготовлении предметов буддийского культа, как то: в обрамлении *танка* (буддийская икона), шитье подвесных храмовых штандартов, скатертей, занавесей, платья и атрибутов костюмов участников церемониальных танцев *цам*. В Национальном музее хранится многочисленная коллекция костюмов персонажей «Цам докшит» и «Цам дуйнхор» и предметов буддийского культа, изготовленных из разносортных китайских шелков. Данная коллекция имеет непосредственное отношение к ритуальной деятельности Тамчинского дацана в начале XX века¹⁴.

В фондах Национального музея Республики Бурятия имеется интересная коллекция народных костюмов бурят, в шитье и декоративной отделке предметов которых преобладают китайские узорчатые шелковые ткани. Сюда же можно отнести собрание тканей различного назначения (ковры, чехлы, занавеси, атрибуты ритуального костюма) с художественной вышивкой шелковыми нитками по шелку и по шерстяным тканям, выполненных китайскими мастерами. Традиция древнего искусства вышивания была заимствована монгольскими и бурятскими мастерами, работавшими над изготовлением и декорированием предметов буддийского культа, образцы которых хранятся в запасниках музея (рис. 2).

Все это свидетельствует о существовании культурных и иных связей древнего населения



Рис. 1. Изделие с изображением погони тигра за оленями и парящего дракона. Рог. III–I вв. до н.э. Баргай (Бурятия, Тарбагатайский район). Коновалов П.Б., 1982; Палочки для еды. Кость. I в. до н.э. – I в. Черемуховая падь (Бурятия, Кяхтинский район). Коновалов П.Б., 1965; Бусы. Сердолик. III в. до н.э. – I в. Енхор (Бурятия, Джидинский район). Именохоев Н.В., 1985. Национальный музей Республики Бурятия



Рис. 2. Джамбхала (санскр.), Замбал Гарба (бурят.) – персонаж из группы божеств-подателей богатства. Забайкалье, XIX в. Дерево, краски; Архитектурные детали алтаря. Забайкалье, XIX в. Дерево, краски; Занавес алтарный с изображениями драконов. Китай, XIX в. Сукно, нить армированная и шелковая, сплав металлов. Вышивка, чеканка. Национальный музей Республики Бурятия

Рис. 3. Курильница переносная. Медь, сплав металлов, чеканка, декоративное покрытие. Середина XIX в. Забайкалье. Национальный музей Республики Бурятия

Рис. 4. Фрагмент экспозиции выставки «Полет дракона. Степной шелковый путь». На переднем плане – церемониальное платье. Начало XX века. Китай. Национальный музей Республики Бурятия



Забайкалья, Китая, Средней Азии и др. стран начиная с древности (особенно это прослеживается у хунну) и в последующие эпохи. Наличие уникальных артефактов в фондовых коллекциях Национального музея Республики Бурятия и Кяхтинского краеведческого музея позволило им с научной обоснованностью стать активными участниками Всероссийского проекта «Великий шелковый путь» с точки зрения расширения музейного пространства и трансграничного взаимодействия. Так, 24 декабря 2015 года в Национальном музее Республики Бурятия в здании Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова открылась выставка «Полет дракона. Степной шелковый путь». Выставочный проект создан Национальным музеем Республики Бурятия совместно с Музеем Бурятского научного центра СО РАН и Кяхтинским краеведческим музеем им. В.А. Обручева.

На протяжении нескольких тысячелетий формировались культурные и торговые взаимоотношения Китайской империи с ближними и дальними государствами. Археологические находки подтверждают развитие пограничной торговли Китая с хунну, тюрками, уйгурами, монголами. Китайские товары и подражание им стали частью культуры кочевников.

В эпоху хунну, в 121 году до н.э., первый караван с шелком и бронзовыми зеркалами прошел из Китая к Ферганскому оазису, положив начало формированию Великого шелкового пути. Из Средней Азии в Китай проникли виноград, люцерна, фасоль, гранатовое дерево, шафран, ореховое дерево; с Запада привозили стекло, драгоценные и полудрагоценные камни, пряности и косметические средства. По степному пути из Китая в другие страны купцы везли железо, никель, драгоценные металлы, шелка, зеркала, вазы, лаковые изделия и другие товары с изображением различных сюжетов и существ (рис. 3). Среди них – дракон, наиболее известный мифологический образ, один из знаков 12-летнего цикла по восточному календарю.

В культуре Китая дракон воплощает божество, защищающее людей от зла, несет позитивное начало, символизирует богатство, удачу и процветание. Уже в VIII–V веках до н.э. в Китае талантливых людей уподобляли драконам (так, Конфуций сравнивал с драконом Лао Цзы), а родителям желали, чтобы их дети «стали драконами», то есть умными и способными людьми.

С IX века дракон известен и в буддийском искусстве как защитник Будды и священных

канонов буддизма. Его изображения можно найти на архитектурных деталях храмов, на ритуальных предметах, в скульптуре и на иконах. Традиции в использовании образа дракона были заимствованы и буддизмом Тибета, а в дальнейшем Монголии и Бурятии. Образ дракона как охранителя присутствует и в архитектуре бурятских дацанов, в ритуальных предметах, на тканях храмовой атрибутики и в облачении монахов, исполняющих ритуальные танцы *цям*. Согласно материалам исследователей, дракон в буддийской традиции был одним из мужских маркеров. Помимо дракона, к группе «четырёх могущественных» относились тигр, лев и Гаруда¹⁵.

Глубоко вошел образ дракона и в бурятскую культуру. Изображения дракона как сильного животного и символа власти встречаются на одежде *тайшей* и статусных знаках знатных людей (*дэнзэ*). Обязательный атрибут мужчины – нож и ножны к нему – часто были украшены изображением дракона, который дарует свою силу мужчине. На выставке представлены также предметы декоративно-прикладного искусства, археологические артефакты, костюмы народов Центральной Азии, буддийские *танка*, ритуальные предметы и многое другое (рис. 4).

Используя богатые фонды музеев Бурятии и уникальные этнографические ресурсы с дальнейшим охватом всего историко-культурного и туристского потенциала Байкальского региона и расширяя тесное сотрудничество с федеральными и региональными музеями, Национальный музей Республики Бурятия нацелен на дальнейшее развитие проекта «Великий шелковый путь» в следующих направлениях:

1. Выдающиеся археологические объекты (культура хунну);
2. Этнографические памятники (локальные культуры);
3. «Этно-деревни» (познавательно-развлекательные комплексы).

Великий шелковый путь оказал огромное влияние на развитие Азиатской части России. Центрально-азиатская степь являлась территорией, через которую проходили торговые пути во все исторические эпохи. Во время торговли происходило не только взаимодействие кочевого и оседлого населения на хозяйственном уровне, но и сближение их этнокультурных традиций.

- ¹ Торговля в этнокультурном измерении: Материалы Четырнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. – 391 с.
- ² Романова С.В., Федорова М.В. Роль российско-китайских политических и торгово-экономических отношений в этнокультурном развитии Бурятии и Тывы. XVIII – начало XIX в. // Торговля в этнокультурном измерении: Мат-лы 14-х Межд. С.-Петербургских этнограф. чтений. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. – С. 190–195; Романова С.В., Федорова М.В. Влияние Китая и буддийской традиции на культуру бурят и тувинцев (по материалам собрания Российского этнографического музея) // Торговля в этнокультурном измерении: Мат-лы 14-х Межд. С.-Петербургских этнограф. чтений. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. – С. 196–206.
- ³ Ветров В.М., Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П. Артефакты из экзотических видов сырья на археологических памятниках Витимского бассейна // Байкальская Сибирь в древности. – Вып. 2, ч. 1. – Иркутск: Изд-во ИГПИ, 2000. – С. 98–116; Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3: (Глазковское время) / Материалы и исследования по археологии СССР. № 43. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 373 с.; Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 112 с.; Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище // Арх. памятники сюнну. Вып. 1 – СПб.: Фонд АзиатИКА, 1995. – 287 с.; Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник // Арх. памятники сюнну. Вып. 2 – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 176 с.; Данилов С.В. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – С. 111–114; Шарафутдинова Э.С. Симпозиум по вопросам обмена и торговли в древних обществах // Краткие сообщения Института археологии. – М.: Наука, 1974. – Вып. 138. – С. 104–108.
- ⁴ Историю сложения, развития и связей государства хунну см.: Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. – 256 с.; Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. – М.: «Восточная лит-ра». 1960. – 292 с.; Гумилев Л.Н. История народа хунну. – М.: Изд-во АСТ, 1998. – 448 с.; Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во. 1976. – 248 с.

- ⁵ Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Наука, 1962. – 206 с.
- ⁶ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. – 256 с.
- ⁷ Талько-Грынцевич Ю.Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Труды ТКОПОИРГО. Т. 1. Вып. 2. 1898. – М.: Тов-во «Тип. А.И. Мамонтова», 1899. – 77 с.: илл.
- ⁸ Сосновский Г.П. Раскопки Ильмовой пади // Советская археология. – Вып. VIII. – М.; Л., 1946. – С. 51–58.
- ⁹ Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во. 1976. – 248 с.
- ¹⁰ Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Отчет о деятельности ТКОПОИРГО за 1896 г. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1897. – 20 с.: илл.
- ¹¹ Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во. 1976. – 248 с.; Миняев С.С. Дырестуйский могильник / Арх. памятники сюнну. Вып. 3 // СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2007. – 233 с. (изд. 2-е, доп.); Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3: (Глазковское время) / Материалы и исследования по археологии СССР. № 43. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 373 с.; Шулунов Ф.М. Опись археологических коллекций. Краеведческий музей Бурят-Монгольской АССР. 1950. – Рукопись: Фонды НМ РБ: Археология – 1950. – С. 1, 2.
- ¹² Фондовые коллекции Национального музея Республики Бурятия (погр. 102,122 из раскопок Миняева С.С. – НМ РБ – МИБ. оф. 18148/5, 6).
- ¹³ Попов В.В. Отчет о деятельности Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова с 1-го октября 1926 по 1-е января 1928 года // Бурятияведение: Верхнеудинск, 1928. – Вып. IV (8). – С. 107–161.
- ¹⁴ Держатели драгоценного учения Будды = Уламжата Хамбын хургаал = The Holders of the Buddha's Precious Teaching / Буддийская традиционная сангха России, Министерство культуры Республики Бурятия, Национальный музей Республики Бурятия [авт.-сост. С.Б. Бардалеева]. – Улан-Удэ: ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия», 2014. – С. 14.
- ¹⁵ Романова С.В., Федорова М.В. Влияние Китая... – С. 203.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, АРХИВЫ

УДК 296.1:091.13

Дарственные надписи как источники косвенной датировки и локализации еврейских свитков

СЕМЕН МОРДУХОВИЧ ЯКЕРСОН

Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербургский государственный университет
Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой семитологии и гебраистики СПбГУ,
ведущий научный сотрудник ИВР РАН
e-mail: shiakerson@yandex.ru

Одной из отличительных черт еврейской письменной культуры является многовековое совместное бытование книг в форме свитка и в форме кодекса. Но если еврейская кодикология на сегодняшний день уже выработала объективные критерии датировки и локализации рукописей, то еврейская волюминология (т.е. дисциплина, изучающая свитки) находится лишь в зачаточном состоянии. В данной статье приводится краткая характеристика типов еврейских средневековых свитков и предлагается методика работы с косвенными источниками датировки и локализации свитков – дарственными надписями на футлярах, «облачениях» и дисках катушек.

Ключевые слова: свиток, Тора, волюминология, дарственная надпись, футляры для хранения свитков, «облачения» для свитков, летосчисление от Сотворения мира.

UDC 296.1:091.13

Gift Inscriptions as Sources of Indirect Dating and Localization of Hebrew Scrolls

Professor SHIMON M. IAKERSON, D.Sc. (History)

Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg State University
Head of Department of Semitic Studies and Hebraistic, St. Petersburg State University,
Leading Researcher, Institute of Oriental Manuscripts RAS
e-mail: shiakerson@yandex.ru

One of the specific features of the Jewish culture is the century-old simultaneous existence of books both in the form of a scroll and in the form of a codex. But while the Hebrew codicology has developed by today some objective criteria for dating and localization of manuscripts, the Hebrew voluminology (i.e. the discipline dealing with scrolls) is still in embryo. This article provides a brief description of the medieval Hebrew scrolls' types and offers some technique for working with indirect sources for scrolls' dating and localization – gift inscriptions on boxes, “robes” and coils' discs.

Key words: Torah Scroll, Voluminology, Gift Inscription, Torah Case, Torah Mantel, Counting from the Creation

אמר ר' יוחנן כל האוחז ספר תורה ערום, נקבר ערום.

Сказал рабби Иоханан: «Тот, кто держит свиток Торы голым, будет похоронен голым»¹